

Л. В. Ляхович
БГУКИИ, Минск

«ПРОСВЕЩЕННЫЙ АБСОЛЮТИЗМ» В РОССИИ: РОССИЙСКАЯ ДВОРЯНСКАЯ И БУРЖУАЗНАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ

В статье рассматривается дворянская и буржуазная историография российского «просвещенного абсолютизма» – варианта абсолютной монархии периода позднего феодализма, когда власть использовала передовые идеи эпохи Просвещения для адаптации в новых условиях и реформирования ряда сторон общественной жизни. Указывается на значительную важность указанной проблемы и отсутствие по этой теме самостоятельных историографических исследований.

Автор показывает отражение проблемы «просвещенного абсолютизма» в исследованиях российских дворянских и буржуазных историков (М. М. Щербатова, Н. М. Карамзина, С. М. Соловьева, В. О. Ключевского, А. Г. Брикнера, В. А. Бильбасова, А. С. Лапто-Данилевского, П. Н. Милюкова), а также в произведениях представителей общественной мысли. Отмечаются существенные черты историографии обоих периодов, показывается их важность как базовых для последующих советской и постсоветской историографии.

Проблема соотношения власти, общества и существующих в нем идей является одной из наиболее сложных и актуальных как для исторического исследования, так и для политической деятельности. Приемы использования властью актуальных для конкретного периода идей были, в сущности, не столь разнообразны. Это либо пропаганда и репрезентативность, либо подавление неугодной идеи силовыми или интеллектуальными средствами. Необходимо отметить, однако, еще один вариант взаимодействия – использование властью передовых идей своей эпохи в собственных интересах. В этом контексте политика «просвещенного абсолютизма» является наиболее ярким примером.

В российской, советской и постсоветской историографии само определение «просвещенного абсолютизма» практически не изменилось. Например, удачным можно признать следующее: «Просвещенный абсолютизм» – политика абсолютизма в ряде европейских стран во второй половине XVIII века, которая выражалась в уничтожении «сверху» и в преобразовании наиболее устаревших феодальных институтов (упразднение некоторых сословных привилегий, подчинение церкви государству, реформы – крестьянская, судебная, школьного обучения, смягчение цензуры и др.). Представители «просвещенного абсолютизма» (Иосиф II в Австрии, Фридрих II в Пруссии, Екатерина II в России), используя популярность идей французского Просвещения, изображали свою деятельность как «союз философов и государей». «Просвещенный абсолютизм» был направлен на укрепление господства дворянства, хотя некоторые реформы способствовали развитию капиталистического уклада [1].

Проблемы «просвещенного абсолютизма» далеко не исчерпываются взаимовлиянием властных элит, идей и общества. Важным является выяснение места этой политики в истории, особенностей ее проведения в контексте разных моделей социально-экономического развития, соотношения в ней феодального и буржуазного, объективного и субъективного, результативности и значения и др.

На протяжении второй половины XVIII – начала XXI в. «просвещенный абсолютизм» в России подвергался исследованию и оценке, однако не стал объектом отдельного историографического рассмотрения, между тем дворянская и буржуазная историография заложили основу его дальнейшего изучения. «Просвещенный абсолютизм» упоминался в учебной литературе по историографии фрагментарно, в контексте анализа работ российских историков конкретных периодов. Это относится к учебнику под редакцией В. Е. Иллерицкого и И. А. Кудрявцева 1971 г. [2], учебному пособию А. М. Сахарова 1978 г. [3], а также учебно-методическому пособию Л. И. Рачкова 1982 г. [4]; при этом в рассмотрении работ буржуазных историков российский «просвещенный абсолютизм» не нашел своего отражения. В двухтомном учебнике по историографии России под редакцией М. Ю. Лачаевой 2003 г. при анализе взглядов В. О. Ключевского выделен период Екатерины II [5, с. 197–198], но достаточно кратко сказано об этой эпохе в работах других буржуазных историков [5, с. 55, 88, 116, 221, 224, 236, 272]. Рассмотрение же данной проблемы в произведениях дворянских историков оказалось минимальным [6, с. 153, 205]. Сказанное делает необходимым отдельное рассмотрение проблемы «просвещенного абсолютизма» в дворянской и буржуазной историографии, что предпринято в сжатых рамках предлагаемой статьи.

Анализ дворянской историографии, представленной как апологетическими, так и критическими произведениями, логично начать с концепции князя М. М. Щербатова (1733–1790), идеолога дворянской аристократии. Он считал, что после Петра I состав и нравы дворянства ухудшились, а при Екатерине II Россия пришла в «плачевное состояние, просить о коем токмо должно бога, чтобы лучшим царствованием сие зло истреблено было» [7, с. 94–95]. Невысоко ставит князь и идеи императрицы, «неутвержденные на твердом камени закона божьего», и ее деятельность ради собственного увековечивания [7, с. 79–90].

Другой современник Екатерины, первый русский писатель-революционер А. Н. Радищев (1749–1802) называет самодержавие «наипротивнейшим человеческому естеству состоянием» [8, с. 175], призывает к его уничтожению, а в главе «Спасская Полесь» своего «Путешествия из Петербурга в Москву» дает ужасающую аллегорию екатерининского царствования [8, с. 28–31].

Критика Екатерины II заглушалась официальными одами. Крупнейшие поэты того времени М. М. Херасков (1733–1807) и Г. Р. Державин (1743–1817) наделяют императрицу, преемницу Петра Великого, всеми совершенствами: «Екатерина! Ты проводишь / К концу, что начал делать Петр!» – восклицает Херасков [9]. Воспеваает Екатерину II под именем Фелицы и Державин [10].

Апологетом Екатерины выступает Н. М. Карамзин (1766–1826), крупнейший русский историк начала XIX века, идеолог дворянства и «просвещенного абсолютизма» в своем «Историческом похвальном слове Екатерине Второй». Она, равная богам и полубогам преемница Петра I, «своим величием удивила вселенную» [11, с. 4–8]. Екатерина II – идеал «просвещенной монархини», повиноваться ей – «природное влечение сердца» [11, с. 174], ведь «все обожали Великую» [11, с. 3], память о которой будет вечно благословляема в России. Подобная позиция понятна: «Похвальное слово» вышло как раз в период либерализма Александра I, объявившего себя преемником Екатерины II. В «Записке о древней и новой России», поданной в 1811 г. Александру I, отмечают

и, впрочем. «некоторые пятна» екатерининского царствования – роскошь, ухудшение нравов, забвение русского языка, но в целом Карамзин уверен, что время Екатерины было счастливейшее для гражданина Российского» [12].

Совсем другая оценка этой эпохи высказана А. С. Пушкиным (1799–1837) в его заметке «О русской истории XVIII века», датированной 1822 г. и близкой к идеям декабристов. Пушкин отмечает величие Екатерины II, ее успехи во внешней политике, но окончательная оценка такова: «Со временем история оценит влияние ее царствования на нравы, откроет жестокою деятельностью ее деспотизма под личиной кротости и терпимости, народ, угнетенный наместниками, казну, расхищенную любовниками, покажет важные ошибки в ее политической экономии, ничтожность в законодательстве, отвратительное фиглярство в сношениях с философами ее столетия, и тогда голос обольщенного Вольтера не избавит ее славной памяти от проклятия России» [13].

Подводя итог дворянскому этапу в историографии «просвещенного абсолютизма», нужно отметить эмоциональность и некоторую однозначность оценок. Ценной стала идея преемственности Петра I и Екатерины II. Следующие значительные шаги в анализе российского «просвещенного абсолютизма» будут сделаны буржуазными историками.

В русской буржуазной историографии одно из первых мест принадлежит С. М. Соловьеву (1820–1879), либеральному историку государственной школы, согласно которой приоритетной в историческом процессе является деятельность государства. Кроме того, Соловьев уделял значительное внимание сравнению России и Европы, а также множественности факторов в историческом развитии. Соловьев выступает явным поклонником Екатерины II, обращая внимание на преемственность политики Петра I, Елизаветы Петровны, и делает вывод о единой тенденции в развитии России XVIII века [14, с. 471]. Высоко оценивается просвещенность Екатерины и ее отношения с философами. Соловьев утверждает, что императрица ставила перед собой далеко идущую политическую цель – приобрести союзников в лице философов и авторитет «просвещенной монархини» в Европе [14, с. 490]. Высказанный тезис будет неоднократно повторяться и в дальнейшем.

Ценный вклад в исследования «просвещенного абсолютизма» внес В. О. Ключевский (1841–1911) – крупнейший представитель буржуазно-либеральной историографии. Ключевский характеризует период XVII–XIX вв. как время образования Всероссийской империи, «период всероссийский, императорско-дворянский, период крепостного хозяйства, земледельческий и фабрично-заводской» [15]. Таким образом, отмечается наличие феодальной и буржуазной тенденций развития. Признавая огромное значение екатерининского правления, Ключевский замечает, что «время Екатерины II пережило ее самое» [16, с. 282]; с Екатерины II начинается законность и формирование правового государства. Для того чтобы упрочить свое положение на незаконно занятом престоле, нужна была патриотическая внешняя политика, либеральные методы управления и учет интересов дворянства, т. е. «попустительское распространение идей века и законодательное закрепление фактов места» [17, с. 34–39].

В отличие от своих предшественников, Ключевский сдержанно оценивает как вообще просвещение при Екатерине, так и просвещенность самой императрицы. Указывая на несомненный «умный» ум, который «знал свое место и время», прекрасную память, волю, умение наблюдать и разбираться в людях

[16, с. 291–293], историк отмечает отсутствие у нее по-настоящему глубоких убеждений и использование просветительских идей как агитационного средства [17, с. 73–74]. Либеральные устремления царицы, по мысли Ключевского, не выдержали столкновения с реальной жизнью. В итоге «она хотела вести чисто личную политику, не прикрываемую никаким рядом стоящим учреждением» [17, с. 72]; не трогая основ существующего порядка, царица стала действовать на умы [16, с. 339]. Русские, «с Петра едва смея считать себя людьми и еще не считая себя европейцами... при Екатерине почувствовали себя не только людьми, но чуть не первыми людьми в Европе». За это царице прошались недостатки ее правления и то, что «империя последних лет царствования представляла... по общему впечатлению, стройное и величественное здание, а вблизи... хаос, неурядицу, картину с размахистыми и небрежными мазками, рассчитанными на дальнего зрителя» [16, с. 340].

Эпоха Екатерины II нашла отражение в работах таких историков, как А. Г. Брикнер (1834–1896), В. А. Бильбасов (1837–1904) и А. С. Лаппо-Данилевский (1863–1919).

А. Г. Брикнер указывает на закономерность прихода Екатерины к власти, ее просвещенность и желание содействовать благосостоянию народа [18, с. 78, 130–131]. Историк отмечает также двойственность екатерининской политики вследствие консервативности дворянства и ближайшего окружения императрицы [18, с. 449–453], неприятие царицей Французской революции и отвержение на этом фоне просветительских идей [18, с. 560]. Оценка правления Екатерины высока: «она действовала успешно в качестве посредницы между прогрессом и культурой Западной Европы... и бытом России» [18, с. 657]; в истории «мы не встречаем другой женщины, столь способной к управлению делами» [18, с. 582].

Сходная концепция прослеживается у В. А. Бильбасова, либерального историка умеренно оппозиционного направления. Положительно оценивая деятельность Екатерины и отмечая несоответствие российских реалий либеральным устремлениям царицы, Бильбасов делает вывод о том, что Екатерина опередила свой век [19].

В таком же духе написан «Очерк внутренней политики императрицы Екатерины II» А. С. Лаппо-Данилевского, буржуазного историка, по своим взглядам близкого к кадетам. Отмечается, что еще в XVII в. стал заметен антагонизм между отсталым патриархальным и прогрессивным западным укладом, апогеем которого выступили преобразования Петра I. Когда победил западный уклад, возникла необходимость урегулировать связь центральной власти и общества, что явилось содержанием политики Екатерины II [20, с. 3]. Деятельность императрицы оценивается весьма позитивно, проводимая как в интересах дворянства, так и появляющейся буржуазии [20, с. 35–51]. Трудности же и неудачи правления объясняются традиционно – консервативностью окружения и оторванностью идей от российской почвы [20, с. 30–59].

Крупнейший буржуазный историк конца XIX – начала XX века, лидер кадетской партии П. Н. Милюков (1869–1943) проследил в динамике aspect «личность Екатерины – просветители – просвещенное правление». Он утверждает, что Екатерина – преемница Петра I, а ее правление – «эра в развитии русского самосознания», когда в результате петровских реформ российская почва была расчищена для восприятия европейской культуры [21, с. 25, 244]. Милюков анализирует философские взгляды Екатерины, отмечая, что импе-

ратрица принадлежала к тому поколению, которое уже отошло от литературно-эстетического восприятия европейского просвещения, но еще не осознано революционных идей. Поэтому взгляды просветителей были усвоены в смягченной, ни к чему не обязывающей форме, а сами просветители были не столь уж принципиальны, служа королям и каясь на исповеди в своих вольнодумствах. Поэтому не стоит придавать слишком большого значения дружбе монархов и философов [21, с. 252–254]. Милюков прослеживает, как под влиянием реальных трудностей Екатерина, сначала, возможно, искренне увлекавшаяся новыми идеями, затем постепенно к ним охладевала, и наконец, стала враждебной к ним.

Буржуазная историография явилась важнейшим этапом в изучении «просвещенного абсолютизма» в России. Были предприняты серьезные шаги по установлению места этой политики, ее включения в европейский контекст, сущности и социальной базы, соотношению в ней объективного и субъективного факторов и др. Дворянская и буржуазная историография явились необходимой базой для изучения российского «просвещенного абсолютизма» в советской и постсоветской историографии.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. «Просвещенный абсолютизм» // Совет. энцикл. слов. – 3-е изд. – М., 1985. – С. 1066; Новая история. 1640–1870: учеб. пособие / под ред. А. Л. Нарочницкого. – 4-е изд. – М., 1986. – С. 82–83; Абсолютизм // Большая Рос. энцикл.: в 30 т. / отв. ред. С. А. Кравец. – М., 2005. – Т. 1. – С. 39.
2. Историография истории СССР: с древнейших времен до Великой Октябрьской социалистической революции: учеб. для вузов / под ред. В. Е. Иллерицкого. И. А. Кудрявцева. – 2-е изд. – М., 1971. – С. 89, 120, 124, 191.
3. Сахаров, А. М. Историография истории СССР. Досоветский период: учеб. пособие / А. М. Сахаров. – М., 1978. – С. 75, 89, 156–157.
4. Историография истории СССР: учеб.-метод. пособие для студентов-заочников ист. фак. пед. вузов: в 2 вып. / Л. И. Рачков; отв. ред. А. В. Ушаков. – М., 1982. – Вып. 1. – С. 23, 28–29, 35.
5. Историография истории России до 1917 г.: учеб. для студ. высш. учеб. заведений: в 2 т. / под ред. М. Ю. Лачаевой. – М., 2003. – Т. 2. – 384 с.
6. Историография истории России до 1917 г.: учеб. для студ. высш. учеб. заведений: в 2 т. / под ред. М. Ю. Лачаевой. – М., 2003. – Т. 1. – 384 с.
7. «О повреждении нравов в России» князя М. Щербатова и «Путешествие» А. Радищева: факс. изд. / [Предисл. А. И. Герцена, ст. и коммент. Н. Я. Эйдельмана]. – М., 1983. – 340 с.
8. Радищев, А. Н. Путешествие из Петербурга в Москву. Вольность: ода. Проза / А. Н. Радищев. – Л., 1984. – 263 с.
9. Херасков, М. М. Избранные произведения / М. М. Херасков. – Л., 1961. – С. 62.
10. Ломоносов, М. В. Избранное / М. В. Ломоносов, Г. Р. Державин. – М., 1984. – С. 220–233.
11. Карамзин, Н. М. Историческое похвальное слово Екатерине Второй / Н. М. Карамзин. – М., 1802. – 187 с.
12. Сборник материалов по истории исторической науки в СССР (конец XVIII – первая треть XIX в.): учеб. пособие для студ. вузов, обуч. по спец. «История» / сост. А. Е. Шикло; под ред. И. Д. Ковальченко. – М., 1990. – С. 85.
13. Пушкин, А. С. Собр. соч.: в 10 т. / А. С. Пушкин. – М., 1959–1964. – Т. 7: История Пугачева. Исторические статьи и материалы. Воспоминания и дневники. – С. 193.
14. Соловьев, С. М. История России с древнейших времен: в 15 кн. / отв. ред. Л. В. Черепнин / С. М. Соловьев. – М., 1965. – Кн. 13. – 674 с.

15. *Ключевский, В. О.* Сочинения: в 8 т. / В. О. Ключевский. – М., 1956. – Т. 1. – С. 34.
16. *Ключевский, В. О.* Исторические портреты. Деятели исторической мысли / В. О. Ключевский. – М., 1990 – 624 с.
17. *Ключевский, В. О.* Сочинения: в 8 т. / В. О. Ключевский. – М., 1958. – Т. 5. – 503 с.
18. *Брикнер, А. Г.* История Екатерины Второй / А. Г. Брикнер. – АСТ: Астрель, 2004. – 688 с.
19. *Бильбасов, В. А.* История Екатерины Второй: в 12 т. / В. А. Бильбасов. – СПб., 1891. – Т. 2. – С. V–VI.
20. *Лаппо-Данилевский, А. С.* Очерк внутренней политики императрицы Екатерины II / А. С. Лаппо-Данилевский. – СПб., 1898. – 62 с.
21. *Милюков, П. Н.* Очерки по истории русской культуры: в 3 ч. / П. Н. Милюков. – СПб., 1896–1903. – Ч. 3: Национализм и общественное мнение. – 424 с.

А. В. Мартынюк

РИВШ, Минск

ИЗОБРАЗИТЕЛЬНЫЕ ИСТОЧНИКИ ПО ИСТОРИИ СРЕДНЕВЕКОВОЙ РУСИ (XI–XVI вв.)

В статье рассматриваются основные памятники средневековой книжной миниатюры, которые являются важным источником по изучению истории Средневековой Руси в XI–XVI вв. Приводятся сведения о наиболее значительных иллюстрированных рукописях, созданных как на Руси, так и за ее пределами (в Западной Европе и Византии), таких как «Изборник Святослава», «Трискская псалтырь», «Хроника Иоанна Скилицы», «Хроника Константина Манассии», «Венгерская иллюстрированная хроника», «Каталонский атлас» и др. Особое внимание уделено при этом двум выдающимся памятникам русского лицевого летописания – Радзивилловской летописи и Лицевому летописному своду. Кроме описания отдельных рукописей и миниатюрных циклов, в статье рассматриваются теоретические проблемы изучения средневековой книжной миниатюры, намечаются направления дальнейшего исследования изобразительных источников.

Перед исследователями истории Средневековой Руси остро стоит проблема ограниченности исторических источников. В центре внимания исследователей традиционно находятся письменные источники, результаты археологических раскопок, данные других исторических дисциплин. В то же время изобразительные источники (средневековые книжные миниатюры и др.), весьма интересные и богатые информацией исторического характера, до настоящего времени обычно привлекались лишь в качестве иллюстративного материала. При этом исследователей интересовала прежде всего искусствоведческая проблематика, а также уточнение с помощью миниатюр реалий материальной культуры Средневековья: изображение памятников архитектуры, предметов хозяйственной деятельности и вооружения, деталей одежды и быта и т. д. Содержащиеся в изобразительных источниках исторические данные рассматривались фрагментарно, без учета их специфики, стилевых особенностей и образной системы. В настоящее время наблюдается возрастание интереса к памятникам средневекового изобразительного искусства как к историческим источникам. Для современной историографии характерно повышенное внимание к антропологически ориентированным исследованиям, вопросам ментальности,